

УДК 179.7(= 411.16):476) «1941 /1944»

Конфискация имущества еврейского населения восточных областей Белоруссии в 1941–1943 годах

Винница Г. Р.

Винница Г. Р. Конфіскація майна єврейського населення східних областей Білорусі в 1941–1943 роках. У статті зазначається, що вилучення матеріальних ресурсів було одним з видів економічної експлуатації та етапом нацистської репресивної політики щодо єврейського населення. Кошти від реалізації єврейського майна надходили для фінансування діяльності адміністративних структур і часткового відновлення економіки на окупованій території, а також здійснення інших програм нацистської Німеччини.

Ключові слова: єврейське населення, конфіскація, нацистська політика, вилучення, контрибуція, окупаційні влади.

Винница Г. Р. Конфискация имущества еврейского населения восточных областей Белоруссии в 1941–1943 годах. В статье отмечается, что изъятие материальных ресурсов являлось одним из видов экономической эксплуатации и этапом нацистской репрессивной политики в отношении еврейского населения. Средства от реализации еврейского имущества поступали для финансирования деятельности административных структур и частичного восстановления экономики на оккупированной территории, а также для осуществления других программ нацистской Германии.

Ключевые слова: еврейское население, конфискация, нацистская политика, изъятие, контрибуция, оккупационные власти.

Vinnitsa G. R. Confiscation of Property of the Jewish Population of the Eastern Regions of Belarus in 1941–1943. Withdrawal of material resources has been one of the types of economic exploitation and one of the stages of the oppressive policies of Nazi against the Jewish population. Funds from the sale of Jewish property were used to finance the activities of administrative structures and a partial recovery in the occupied territories, as well as another programs of Nazi Germany.

Keywords: The Jewish population, the confiscation, the Nazi policy, withdrawal, the indemnity, the occupation authorities.

Особое место среди репрессивных мер, проводившихся гитлеровцами на оккупированной территории Восточной Белоруссии, занимало изъятие недвижимого имущества евреев, осуществившееся в рамках нацистской политики систематического ограбления потенциальных жертв. Изъятие

собственности обуславливалось не только планируемым тотальным уничтожением еврейского населения. Конфискация еврейского имущества преследовала также несколько целей экономического характера. Это обогащение казны III рейха, восполнение нужд вермахта и воссоздание экономики на оккупированных землях. Относительно рассматриваемой территории отметим, что изымая еврейскую собственность, оккупационные власти пополняли бюджет местных органов управления. Отобранные принудительным образом еврейские средства использовались также для частичного восстановления экономики и ее приемлемого функционирования. Часть нееврейского населения, относящаяся к категориям «пособники преследователей» и «коллаборационисты», оказалась втянута в процесс присвоения чужой собственности.

Вопрос изъятия оккупационными властями материальных ресурсов у еврейского населения лучше освещен в западной части Белоруссии [24]. Существует необходимость более глубокого изучения проблематики в восточных областях Белоруссии.

Данная проблема рассматривалась в трудах таких учёных, как И. А. Альтман (Россия), И. Арад (Израиль), Э. Г. Иоффе (Беларусь) [1; 2; 8]. Однако изъятие еврейской собственности в восточной части БССР нашло отражение в трудах историков лишь фрагментарно и не выделялось в предмет отдельного исследования.

Цель данной работы – проанализировать процесс конфискации еврейской собственности на захваченных землях восточных областей Белоруссии. Предлагаемый материал является первым опытом исследования проблематики на рассматриваемой территории. Основой для написания статьи послужили, в большинстве своём, впервые введённые в научный оборот источники.

Конфискация еврейского имущества происходила сразу же после оккупации населенного пункта. Сначала изъятие еврейской собственности носило стихийный характер. Военнослужащие вермахта грабили еврейские дома, расценивая присвоенную частную собственность, как легкую добычу. В дальнейшем конфискация еврейского имущества в большинстве случаев связана с переселением в гетто. Нацисты, в первую очередь, стремились завладеть еврейскими денежными накоплениями и драгоценностями. Одной из главных задач для оккупантов являлось лишение потенциальных жертв, перед их уничтожением, обладания вещами, представлявшими хоть какую-нибудь ценность. Репрессивные меры, проводившиеся оккупантами, привели к тому, что еврейское население Восточной Белоруссии кроме постоянного морального воздействия в жестокой форме, физических потерь, обрекалось еще и на материальные лишения. Узникам гетто для того, чтобы выжить, приходилось изыскивать для обмена на продукты вещи, которые могли представлять интерес для приобретающей

стороны. Решение подобных проблем требовало от людей немалых усилий.

Сфера интересов оккупационных властей распространялась и на еврейское недвижимое имущество (дома, квартиры, приусадебные участки, скот). Имущество евреев, успевших эвакуироваться, а также тех, кто попал в гетто, вне зависимости от того оставлялось ли оно по доброй воле знакомым на хранение или просто присваивалось, подлежало обязательному учету. Об этом свидетельствует, изданное 14 октября 1941 года распоряжение гебитскомиссара Минского округа доктора Кайзера, о регистрации властями имущества евреев, оказавшегося в собственности у местного населения [29, с. 69].

Оккупационные власти обогащались тем, что продавали недвижимость, оставленную евреями. Подтверждением этому, например, может служить заявление Филипповой А. Е. от 29 сентября 1941 года в жилищный отдел Витебской городской управы: «Прошу рассрочить мне выплату на 4 равных части по 427 р. Каждая сроком через каждые 30 дней купленные мною стены дома № 23 по Верхне-Петровской ул. принадлежащие ранее бежавшему еврею Гутнеру, оцененные комиссией за 1708 р.» [4, л. 18]. Также как и аналогичное заявление Петрова Г. П. от 18 октября 1941 года: «Согласно плана участка земли, расположенного в 1 – м районе по Суражскому переулку под № 2, представленного в моё пользование, находится сарай, под № 3, бывшего владельца частной собственности жида Бескина, площадью 330 кв. метров. План этот утверждён Зам. председателя Витебской Городской Управы г-ном Брандтом в октябре 1941 года, а поэтому прошу Гор. Управу об оценке означенного сарая для передачи его мне, после чего мною стоимость сарая будет оплачена через Финансовый отдел Витебской Городской Управы» [4, л. 107].

В Витебске, начиная со дня оккупации и до 21 марта 1942 года, жилищным отделом городской управы продано 22 строения, принадлежавших евреям, на сумму 52306 рублей [28, л. 513 об.]. Нередко оккупационные власти продавали населению Восточной Белоруссии ветхие и разрушающиеся строения [11, л. 2-3].

Нацисты присваивали все, что находилось в частной собственности евреев. Это были мебель, одежда, музыкальные инструменты, изделия из золота и серебра (обручальные кольца, часы, серьги, женские украшения). Кроме того, предметы религиозного быта, сбережения в советских рублях, иностранной валюте.

Примером использования оккупантами мебели евреев, может служить следующий факт. На трех телегах 12 сентября 1941 года из Краснополя в Пропойск тремя местными полицейскими были доставлены 13 кроватей, несколько матрасов, стулья и один диван. Все названное имущество, изъятое в домах евреев, предназначалось для комендатуры Пропойска [21, л. 6-7].

Еврейская мебель шла и для обустройства зданий, где располагались структуры оккупационных властей. Пост полевой жандармерии № 40635 в Витебске получил 22 декабря 1941 года 6 кроватей, 9 стульев, 5 столов, 3 шкафа и 2 дивана [12, л. 20]. Местной комендатуре Витебска поступило 12 декабря 1941 года 8 шкафов и 2 стула, 24 декабря – 3 шкафа и 12 ночных столиков, 29 декабря – 7 шкафов, 4 корзины для бумаг, 8 карнизов, 12 стульев, 3 вешалки, 4 зеркала, 1 стол и 1 столик [13, л. 45; 14, л. 26; 15, л. 3].

Оккупационные власти зарабатывали и на том, что сдавали в аренду еврейское имущество. Так в Могилеве с 1 августа 1941 года взималась оплата за использование мебели, музыкальных инструментов и т.п. [7, л. 7].

Регистрация и конфискация имущества евреев регламентировались гитлеровцами в зонах гражданской администрации (рейхскомиссариаты «Остланд», «Украина»). Евреям предлагалось объявить о своем имуществе, оценочная стоимость которого превышает 50 рейхсмарок.

Наиболее распространенной формой изъятия еврейского имущества являлось взимание оккупационными властями контрибуции. Несмотря на то, что принадлежавшая евреям собственность объявлялась с октября 1941 года имуществом Германии, присвоить абсолютно все нацисты не могли. С целью заполучить, как можно больше, оккупанты устанавливали для еврейского населения фиксированные поборы или контрибуции, служившие скорейшему изъятию скрываемого личного имущества. Размер контрибуции устанавливался исходя из численности евреев, проживавших в населенном пункте. Приведем пример небольшого побора. Накануне переселения в гетто Березино в местечке Погост в августе 1941 года евреев обязали выплатить контрибуцию в размере пяти килограммов золота, а также 125 советских рублей с каждой семьи [22, л. 212]. Кроме того, оккупационные власти затребовали несколько пар сапог, костюмов и вина (количество не установлено). Самую большую контрибуцию на захваченной территории Восточной Беларуси нацисты изъяли у узников минского гетто. Сумма только первого побора, выплаченного минскими евреями 19 июля 1941 года, составила тридцать тысяч золотых червонцев [23, л. 5]. Требования оккупационных властей, касавшиеся сроков и количества взимаемого побора, предъявлялись еврейским советам, а те в свою очередь занимались распределением между членами общины, сообщая каждому о размере взноса.

Контрибуции, которыми облагалось еврейское население, следует разделить на два вида. К первому отнесем выплату фиксированного побора золотом и драгоценностями, а ко второму изъятие натурального налога. В ряде случаев жизнь узников гетто являлась гарантом сбора необходимой суммы установленной контрибуции. Так после того, как евреи Логойска не смогли выплатить требуемое оккупантами

количество денег и золота, их согнали 30 августа 1941 года в урочище Ивановщина. Здесь были расстреляны 1200 человек [19, л. 17].

Изъятие денег, ценных вещей, а также одежды во время проведения массовых расстрелов, являлось еще одной формой присвоения еврейского имущества. С этой целью нацисты подготовили целую систему конфискации частной собственности, у направлявшихся на казнь евреев. Обычно людей обязывали иметь при себе деньги и драгоценности. Массовому убийству предшествовал тщательный обыск, сопровождавшийся раздеванием евреев. Во время акции, проводившейся айнзатцкомандой-8 в Червене в сентябре 1941 года, у 139 евреев перед казнью изъяли 125 880 рублей. Еще у одной группы евреев в том же населенном пункте накануне расстрела отобрали 510 399 рублей [17, с. 194].

Во избежание материальных потерь оккупанты открыли в городской тюрьме города Минска стоматологический кабинет, где у жертв накануне расстрела изымали золотые коронки и мосты. Установлено, что евреи – стоматологи Эрнст и Эльза Тишауэр с 13 апреля по 31 мая 1943 года подвергли подобной обработке 336 узников, отправлявшихся на казнь [10, с. 833]. В местечке Корма изъятие еврейской собственности проводилось в иной, более жестокой форме. Накануне массовой казни в ночь с 7 на 8 ноября 1941 года всех евреев согнали в здание средней школы. Нацисты не только организовали удаление золотых коронок у жертв, но обыскивали и истязали их, требуя драгоценности [20, л. 21].

После расстрела нацисты продолжали грабить евреев. Так в Эсьмонах Бельничского района после расстрела осенью 1941 года, оккупанты перебирали снятую одежду, выбивали у погибших зубы с золотыми коронками, снимали кольца с пальцев.

Плановому изъятию еврейского имущества способствовали четкие инструкции. Хинрих Лозе, руководитель рейхскомиссариата «Остланд», во «Временных директивах» распорядился о конфискации всего еврейского имущества с обязательной его регистрацией. Он открыто указывал на принудительный характер изъятия [9, с. 50]. Конфискации подлежали: местная и иностранная валюта, ценные бумаги, а также «ценности всякого рода (монеты, золотые и серебряные слитки, другие драгоценные металлы, ювелирные изделия, драгоценные камни и т.п.)».

Местные власти принимали самое активное участие в конфискации и дальнейшей реализации еврейского имущества. Именно на их склады поступали одежда и обувь расстрелянных евреев. Значительная часть еврейского имущества разграблялась. Вот что, например, докладывал 29 ноября 1941 года коменданту Бобруйска бургомистр города: «В склады города поступило имущество с «Гето». Поскольку последнее перевозилось в срочном порядке, оно свалено в беспорядочном

состоянии и до его продажи предварительно рассортировывается. Во время производства разборки последнего в склады заходят военные, а зачастую с частными гражданскими лицами и выбирают себе необходимые вещи...» [6, л. 15]. Однако нередко еврейская собственность никуда не доставлялась, а разграблялась, как, например, в Костюковичах [16, с. 174].

Представителям гражданской администрации вменялась обязанность доставлять самое ценное имущество и драгоценности в Берлин через кредитные кассы рейха. Многие изъятые ценности не попадали в Германию, а расхищались или использовались местными оккупационными властями. Несомненно, это повлияло на то, что в сентябре 1942 года распоряжением министра по делам «оккупированных восточных территорий» А. Розенберга определялся порядок учета и реализации еврейского имущества. Оккупантам требовалось поставлять в Берлин драгоценности из благородных металлов, включая ювелирные изделия, предметы искусства и роскоши.

Начиная с первого месяца оккупации, то есть практически сразу, в управление военных трофеев Главного казначейства Рейхсбанка начали поступать драгоценности и валюта, конфискованные у белорусских евреев.

Изъятием еврейского имущества занимались и местные коллаборационисты. Они присваивали еврейское имущество, начиная с первых дней оккупации. Так в Слуцке, после отправки рабочих колонн, в гетто приходили полицейские. «Заходили в дом, забирали то, что есть ..., избивали» [27, л. 19]. В Лепеле бургомистр Неделько и начальник полиции Войтехович вымогали у евреев золото и драгоценности [25, л. 104 об.]. Сбор поручали еврейскому комитету, угрожая за невыполнение расстрелом. В Толочине бургомистр Раниш и секретарь райуправы Холенков изъяли в еврейских семьях коров для личного пользования [18, л. 77, 81]. В Бобре Крупского района после расстрела евреев местные полицейские ограбили их дома [26].

Выделим и часть нееврейского населения, принимавшую участие в разграблении имущества жертв. В ряде населенных пунктов было много опустевших домов. Это «бесхозное» имущество после концентрации евреев в гетто породило категорию «пособников преследователей», присваивавших себе оставленную собственность. Для части представителей этой категории характерно не только использование сложившейся ситуации в своих целях, но и проявление по отношению к евреям враждебности. Так, в Яновичах некто Чугунов, в прошлом бригадир тракторной бригады, занял уцелевший дом семьи Эфрос, после того как его жилище сгорело [3, с. 128]. Когда семья Эфрос, после неудачной попытки эвакуироваться, вернулась в оккупированное местечко, Чугунов выгнал хозяев из их дома и даже не позволил выкопать картофель с огорода.

Участие этой подгруппы населения в антиеврейских мероприятиях не было постоянным. В данном случае действия «пособников преследователей» носили разовый характер, но, безусловно, они являются преступлениями. То, что на рассматриваемой территории подобные явления не носили едичный характер, является фактом.

Нацисты намеренно проводили изъятие личной собственности у еврейского населения. Изъятие чужого имущества оккупанты постоянно сопровождали шантажом. Евреям обычно предъявляли ультиматум. В случае неуплаты установленного количества драгоценностей, евреев населенного пункта ожидал расстрел. Для более успешного проведения конфискации, нередко, гитлеровцы захватывали заложников. В сочетании с другими экономическими и социальными факторами осуществляемыми нацистами политика конфискации еврейской собственности обрекала узников гетто на неизбежную гибель. В то же время финансирование оккупационного режима происходило в основном за счет изъятия еврейской собственности. Так в Плещеницком районе из 55939 рейхсмарок, составлявших доход от реализации захваченного имущества на 14 июля 1942 года, 41011 являлись еврейскими [5, л. 25]. Из них 18470 рейхсмарок получено от продажи одежды, посуды, мебели, 15855 – строений, 6686 – скота.

Таким образом, конфискация еврейского имущества носила плановый и, вместе с тем, системный характер. Еврейское население рассматривалось оккупационными властями в качестве резервуара, из которого безвозмездно черпались необходимые средства и имущество.

Изъятие материальных ресурсов являлось одним из видов экономической эксплуатации и этапом нацистской репрессивной политики в отношении еврейского населения. Систематическое ограбление проводилось в виде многочисленных поборов. Нацисты изымали у еврейского населения золото, драгоценности, часы, украшения, одежду, предметы обихода, оборудование мастерских и лавок, дома и хозяйственные постройки, валюту и ценные бумаги. Еврейское население городов и местечек восточных областей Белоруссии облагались особым налогом, получившим название контрибуция. К тому же, еврейское имущество с октября 1941 года объявлялось собственностью третьего рейха.

Присвоение оккупантами частной собственности еврейского населения, в большинстве случаев, связано с переселением в гетто. Однако, стихийные акции по изъятию частной собственности у потенциальных жертв, проходили как до образования гетто, так и после его появления. В конфискации еврейского имущества на захваченных землях Восточной Белоруссии принимали участие представители: а) немецких подразделений полиции безопасности и СД, строевых частей СС; б) подразделений вермахта; в) различных гражданских ведомств нацистской Германии; г) коллаборационистских структур и

местного населения. Средства от реализации еврейского имущества поступали для финансирования деятельности административных структур и частичного восстановления экономики на оккупированной территории, а также в казну нацистской Германии. Установление точного количества еврейского имущества, изъятого на рассматриваемой территории, не представляется возможным, как и определение его денежного эквивалента.

Примечания

1. *Альтман И.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. / И. Альтман. – М, 2002.
2. *Арад И.* Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941–1945) / Ицхак Арад. – Днепропетровск; Москва, 2007.
3. *Винница Г.* Холокост на оккупированной территории Восточной Беларуси в 1941–1944 годах / Г. Винница. – Минск, 2011.
4. *Витебская городская управа.* Заявления от граждан на приобретение жилплощади. Начато: 1941г.– окончено 1942 г. // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 111.
5. *Ген. камісару* гор. Барысава. г. Плешаніцы. 14 ліпеня 1942 года // НАРБ. – Ф. 391. – Оп. 1. – Д. 22.
6. *Городское* управление Бобруйска. Административно – хозяйственная переписка городского управления с предприятиями и учреждениями. Начато 20 августа 1941 г. – окончено 23 декабря 1941 г. // Государственный архив Могилевской области. – Ф. 858. – Оп. 1. – Д. 74.
7. *Государственный* архив Могилевской области. – Ф. 270 – Оп. 1 – Д. 6.
8. *Иоффе Э.* Белорусские евреи: трагедия и героизм. 1941–1945 / Э. Иоффе. – Смоленск, 2003.
9. *Лозе Х.* Временные директивы по обращению с евреями на территории рейхскомиссариата «Остланд» от 13.08.1941 года / Х. Лозе // Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944) / Ред. И. Арад. – Иерусалим, 1992.
10. *Нюрнбергский* процесс: в 2 т. / Ред. Руденко Р. А. [и др.]. – 2 изд. – М., 1954.
11. *Отчет* комиссара Минского округа. 22 июня 1942 г. // НАРБ. – Ф. 370. – Оп. 1. – Д. 483.
12. *Ortskommandantur* Witebsk. 22.12.1941 (перевод автора) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 17

13. *Ortskommandatur* Witebsk. 12.12.1941 (перевод автора) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 17.
14. *Ortskommandatur* Witebsk. 24.12.1941 (перевод автора) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 17.
15. *Ortskommandatur* Witebsk. 29.12.1941 (перевод автора) // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 17.
16. *Памяць*. Касцюковіцкі раён / Рэд. М. Р. Барысаў [і інш.]. – Мінск, 2000.
17. *Памяць*. Чэрвеньскі раён / Уклад. Г. М. Аўласенка, З. І. Малейка. – Мінск, 2000.
18. *Протокол* заседания исполкома райсовета трудящихся Толочинского района от 17 августа 1944 года // Зональный государственный архив в г. Орша. – Ф. 162. – Оп. 7. – Д. 2.
19. *Протокол* опроса свидетеля Грибовского М. И. от 29 сентября 1944 года // ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 87. – Д. 8.
20. *Протокол* опроса гр-нки Караткевич П. М. 1944 г. 17 ноября г/п Корма // ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 85. – Д. 215.
21. *Репорт* начальника поста № 12 292 полевой жандармерии фельдфебеля Маркса, полевой комендатуры № 549 от 7 ноября 1941 года (перевод автора) // Государственный архив Могилевской области. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 1.
22. *Репорт* Юрина С. В., зам. нач. УПКГБ по Белостокской области БССР // НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 63.
23. *Распоряжение* полевого коменданта о создании гетто в г. Минске. 19 июля 1941 г. // НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 937.
24. *Розенблат Е. С.* Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Е. С. Розенблат. – Минск, 2000.
25. *Свидетельство* Фишкиной Р. С. // Материалы ЧГК о совершенных злодеяниях немецко – фашистскими оккупантами и их сообщниками по г. Лепель и Лепельскому району // ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 84. – Д. 7.
26. *Свидетельство* Шаньковой Л. А. // Личный архив автора.
27. *Свидетельство* Яброва И. И. // Архив Национального института Яд Вашем. – Ф. 03. – Д. 6914.
28. *Справки*. Финансовому отделу. Жилищный отдел Витебской городской управы // Государственный архив Витебской области. – Ф. 2073. – Оп. 2. – Д. 19.
29. *Трагедия* евреев Белоруссии в 1941–1944 / Сост. Р. Черноглазова, А. Лейзеров. – Минск, 1995.